

Паразит

Юрий Нестеренко

В дверь звонят. Не иначе, опять мой паразит. Ну а кто еще может заявиться без предупреждения в первом часу ночи?

«Ты не обязана ему открывать», — говорю я себе.

Ясное дело, не обязана. Пусть он даже и видит, что в моих окнах горит свет. Возможно, думает, что это его извиняет. Впрочем, даже если я демонстративно погашу свет, он ведь не отвяжется. Так и будет топтаться под дверью и звонить. Не требовательно давить на кнопку, нет. Никакого хулиганства. Всего лишь просительно тренькать. Можно ли заставить электрический звонок звучать жалобно? Теоретически вроде нет, но у него получается. Каждые две минуты, ага.

Я встаю и иду открывать.

Конечно же это он. Как обычно: грязные ботинки, старое пальто, помятая шляпа, небрит уже минимум пару дней и с мешками под глазами. Смотрит на меня преданным собачьим взглядом.

— Привет, — говорит он.

Я демонстративно молчу. Если вам нужен антоним к слову «гостеприимство», то в данный момент он написан у меня на лице.

— Ты... извини, что так поздно, — спохватывается он. — Но сама знаешь, раньше полуночи я не мог...

Ага, можно подумать, что если б он заявился раньше, меня бы это осчастливило.

— Можно войти? — произносит он просительно.

— Я говорила тебе, чтобы ты больше не приходил сюда?

— Ну-у...

— Что «ну»? Говорила или нет?

— Маша, понимаешь... — Вид у него такой, словно он сейчас заплачет. — Я жить без тебя не могу.

Ну, кто бы сомневался!

— Но почему это должно быть моей проблемой? — холодно интересуюсь я.

— И это говоришь мне ты? — Он искренне возмущен. — После того, что вы...

— Вы, мы! — перебиваю я. — Я. Я лично. Почему ты считаешь, что я вечно должна о тебе заботиться? Да, один раз я тебя пожалела, подобрала на улице, где ты...

— Ты меня использовала! — вдруг принимается канючить он. — Использовала и бросила. Нельзя так.

— Я с самого начала предупреждала тебя, что это не навсегда. Предупреждала или нет?

— Может, я все-таки войду? — увиливает он от ответа. — Неудобно же... через порог. Соседи услышат.

— Ладно, — отступаю я. — Входи.

Он с довольным видом шагает вперед и закрывает за собой дверь, а затем сразу же деловито принимается стаскивать ботинки. Это, конечно, не от избытка деликатности и чистоплотности. Это чтобы быть уверенным, что я не выставлю его на улицу прямо в носках.

Но меня не так-то просто сбить с толку.

ФАНТАСТИКА

— Я говорила тебе, что мы вместе лишь до тех пор, пока ты мне интересен? Говорила! Теперь мой интерес иссяк. Я изучила тебя достаточно. Что непонятно?

— Маша, — вздыхает он, — ну я же не чучело из твоей коллекции. Я живой человек.

— Ты не человек, — отрезаю я. — Ты паразит.

Он молчит. Крыть нечем.

— Почему бы тебе не устроиться куда-нибудь? — раздраженно произношу я. На его правом носке дырка, и оттуда торчит большой палец с давно нестриженным ногтем.

— Меня никуда не берут, — сокрушенно констатирует он. — Даже в зоопарк.

Ага. И виновата в этом конечно же я!

— Ну, все равно, — говорю я вслух, — есть же какие-то, ну я не знаю, благотворительные организации! Бездомных собак, вон, и то подкармливают...

— Я не могу питаться этой синтетической дрянью! — страдальчески восклицает он. — Ты же знаешь, у меня от нее изжога!

— И что? Если я куплю тебе таблеток от изжоги, ты наконец оставишь меня в покое?

— Маша, — опять вздыхает он, — ну зачем ты так со мной?

— А как иначе?

— Ты знаешь.

Ну еще бы мне не знать!

Он вдруг опускается на колени прямо у меня в прихожей. Точнее, на одно колено, пачкая мой чистый пол лапами своего грязного пальто. Удивительно, но, несмотря ни на что, в этом жесте есть некая элегантность. Ну да, сейчас в это трудно поверить, но ведь он происходит из древнего аристократического рода...

— Я даже не прошу остаться ночевать, — проникновенно говорит он, глядя на меня снизу вверх. — Просто дай мне, и я сразу уйду.

— В последний раз? — усмехаюсь я, все еще пытаюсь проявить твердость.

— Я не ел уже четыре дня, — продолжает он, игнорируя мою насмешку. — И все время думал о тебе. Если ты прогонишь меня, я умру.

В его глазах блестят слезы. Я протягиваю ему руку. Он нежно берет ее и подносит к губам.

— Ладно, паразит, — вздыхаю я. — пей мою кровь!

Его клыки касаются моего запястья, с легкостью проникая между чешуйками. Боли я не чувствую. Их анестезия превосходна, что да, то да.

В конце концов, мы и вправду, в некотором смысле, уничтожили их мир. Хотя воевали вовсе не с ними. Если на то пошло, мы даже не знали об их существовании. Мы воевали с их хозяевами — в биологическом смысле этого термина, разумеется. Вот те действительно были

чудовищной расой. Выродки, помешанные на насилии, получавшие удовольствие от страданий — и при этом еще плодившиеся, как культура болезнетворных клеток. Вся их история была историей войн, убийств, порабощений и пыток. «Пытка» — это чисто человеческое понятие: оно означает преднамеренное причинение боли другому разумному существу с целью принуждения, наказания. Или просто развлечения... Короче говоря, если бы мы не зачистили от них эту планету сейчас, до того, как они выйдут в Большой Космос, — последствия для Вселенной были бы непредсказуемыми. Точнее, очень даже предсказуемыми... Само собой, мы, в отличие от них, не любим убивать. Но в данном случае у нас просто не было другого выхода.

А их паразиты были, напротив, совершенно безобидными существами. Настолько неспособными к насилию, что они даже не могут войти в дом, не получив приглашения, — не говоря уже о том, чтобы укусить жертву. У них это на уровне безусловного рефлекса. Я пыталась понять, как мог сформироваться такой рефлекс, и пришла к выводу, что те, кто хотел добиться своего от их хозяев-агрессоров насилием, были попросту перебиты. Ибо по части насилия сравниться с людьми не мог никто. А эволюционно выигрышной оказалась другая стратегия, основанная на сугубой добровольности, безвредности и незаметности. Подкрепленная, впрочем, гипнотическими способностями, которые на нас не действуют. По части незаметности они особенно преуспели. Их мимикрия совершенна. Даже сами люди — а вслед за ними и наши разведчики — считали их не более чем старинной легендой. В этих легендах, кстати, далеко не все правда. Им не вредят ни фитонциды чеснока, ни серебро, ни тем более перекрестия. Их укус не смертелен и уж конечно не способен превратить человека в одного из них. Но солнечный ультрафиолет для них действительно почти губителен, поэтому летом они обычно спят до полуночи.

Мы обнаружили их лишь после того, как уничтожили их хозяев. Знали, что никто из носителей человеческой ДНК не мог выжить после примененного нами оружия. Однако выжившие, пусть и очень немногочисленные, нашлись. Только тогда мы поняли, что это не люди.

Как я уже сказала, мы ничего не имели против них. Однако мы уничтожили их кормовую базу. Удивительное дело, но кровь других животных этой планеты — даже других приматов — им не подходит. Вызывает анафилактический шок. Расплатой за слишком хорошую мимикрию оказалась слишком узкая специализация.

Еще более удивительно, что подходящей для них оказалась наша кровь. Не настолько хорошо, как кровь их прежних хозяев, но тем не менее. Честь этого открытия принадлежит мне. Я не солдат. Я биолог, приехала изучать фауну этого мира. И когда — одна из первых — наткнулась прямо на улице опустошенного города на умирающего от голода паразита, то, конечно, сочла это профессиональной удачей. Но поступила я, по правде говоря, непрофессионально. Вместо долгих анализов и тестов в лаборатории вяла его мольбам. Однако предупредила, что моя кровь, скорее всего, окажется для него еще худшим ядом, чем кровь земных животных. Но он сказал, что чувствует запах, которого не чувствовал с тех пор, как умер последний человек. И я решила рискнуть.

В конце концов, до дня, когда будут готовы результаты анализов и тестов, он мог просто не дожить...

Чего я не предвидела, так это того, что будет после завершения моего эксперимента. Тем более я сразу сказала ему: мой интерес к нему связан исключительно с моей работой. Эмоции тут ни при чем. Даже если мне и в самом деле стало жалко его тогда, на пыльной улице...

Те из них, кто выжил, как правило, как-то адаптируются. Я не знаю деталей — это не моя область, я биолог, а не социолог. Знаю только, что никто из наших не поит их своей кровью. Это дикая идея — все равно что кормить бродячую собаку собственным мясом, даже если мясо потом нарастает снова... В общем, для них наладили выпуск какой-то синтетики. Если бы мои коллеги узнали!..

Но у него, видите ли, изжога! И он, видите ли, не может найти себя в новом мире! А виновата я, спасшая ему жизнь!

— Спасибо, Маша, — бормочет он, отрываясь наконец от моего запястья. — Спасибо тебе.

Конечно же меня зовут вовсе не Маша. Но он не в состоянии выговорить мое подлинное имя. Даже записать его буквами на своем языке.

Он поднимает голову, слизывая кровь с тонких губ, и смотрит на меня тем же, надо полагать, обожающим взглядом, каким смотрел на своих земных хозяев последние двести лет. (Эти паразиты живут очень долго, поскольку во сне их метаболизм чрезвычайно замедляется — так что неспециалисту легко принять их за мертвых, чем, видимо, и объясняются соответствующие легенды.) Я вдруг взглянула на себя его глазами: вместо привычных ему красоток-приматов — пучеглазое чешуйчатое страшилище с костяным гребнем на голове. Наверное, ему стоит большого труда изображать обожание. Впрочем, я тут же сердито напоминаю себе, что я для него — всего лишь источник пищи. А форма продуктовой корзинки значения не имеет. Да и он для меня — всего лишь отработанный материал прошлого исследования.

— Над чем сейчас трудишься? — спрашивает он. — Узнала еще что-нибудь интересное о нашей планете?

— Получил свое и уходи! — Я отдергиваю руку. — Мне теперь еще раны обрабатывать надо.

На самом деле это неправда. Их слюна прекрасно останавливает кровь и дезинфицирует рану. И он это наверняка знает.

— Зря ты так со мной, Маша, — бормочет он, поднимаясь с пола. — У меня же больше никого нет.

Наклоняется, шнурует ботинки, поворачивается к двери, но явно медлит, ожидая разрешения остаться.

— Иди, — говорю я. — И не приходи больше. Здесь тебе не столовая.

На пороге он останавливается и вновь оборачивается.

— Вы же против жестокости, — говорит он, глядя мне в глаза. — Вы убили восемь миллиардов человек, потому что вы против жестокости. Так?

С этими словами он уходит. А я смотрю на закрывшуюся дверь.

Я чувствую себя скверно. Не из-за потери крови — она пустяковая. Я чувствую себя скверно, как разумное существо, поступившее неправильно. Не надо было его пускать... сколько раз я говорила себе, что не надо его пускать. Я должна возмущаться его наглостью, но вместо этого и впрямь чувствую... вину. Может, вывод о том, что их гипноз на нас не действует, был преждевременным?

Черт бы тебя побрал, паразит!

